

ЗА ОКНАМИ уже наплыли сумерки, когда Иван Васильевич управился со своими делами и стал собираться домой. Он сегодня порядком устал, поламывало в висках, резало от напряжения глаза. Но все это было сущими пустяками в предвкушении того, что его ожидало впереди.

А ожидало его многое. Прогулка пешком по весенней тихой улице. Время такое, когда машины уже не ходят, за исключением редких автобусов да редких прохожих, занятых до поздней вrede Ивана Васильевича. Вот он и отдохнет на тихой вечерней прогулке, подышит свежим воздухом. Одним словом, отдохнет всей душой, как и полагается человеку умственного труда.

Иван Васильевич закрыл на ключ кабинет, быстро прошагал гудким коридором и очутился на улице. Вдохнул свежего воздуха и тихо побрел аллеей. Он спокойно рассуждал: все в природе задумано умно и рационально. К примеру, взять ту же зимушку: как бы она ни была хороша, а если всегда зима, то порядком надоеет каждому. Да и весна постоянная потеряла бы свою прелесть. А вот смена времен года имеет свое, неотразимое.

— Извините за беспокойство! — послышался сбоку глуховатый голос.

Иван Васильевич поморщился, как от зубной боли, обернулся. К нему под-

ходил высокий, немного сутуловатый мужчина. Иван Васильевич, естественно, остановился: мало ли чего требовалось человеку? Может, помощь какая?

— Вы уж извините меня. Прошу вас, извините. Не одолжите ли мне сигаретку? Забыл дома свои-то.

Иван Васильевич со словами « Пожа-

луйста! Пожалуйста!» полез в карман за сигаретами. Перед ним стоял уже не молодой мужчина в старом потрепанном пальто, в старых, распылшихся ботинках, в протертых на коленях брюках.

Петр ШМАКОВ

ДУШЕВНЫЙ ОТДЫХ

ЮМОРЕСКА

Незнакомец осторожно, двумя пальцами вытянул сигарету из пачки, артистически кинул ее с ладони вверх, и сигарета, мелькнув в воздухе белым стволком, угодила прямо в рот. Иван Васильевич восхищенно отметил: артист!

— Извините, пожалуйста, но вы до странности мне знакомы, — заговорил незнакомец, прикурив от спички, что подал Иван Васильевич. — Вы в шестьдесят пятом не работали у меня

на участке, на «Кировке»? Я там начальником был.

— Нет-нет. Я там не работал, — поспешно ответил Иван Васильевич.

— Странно... А на вентиляциях, на «Комсомолке» не работали? Я там тоже был начальником, — и услышав отрицательный ответ, незнакомец бод-

рував, прбся задержаться хотя бы на минутку.

— Не может быть, чтобы я ошибся. У меня очень хорошая зрительная память. Странно. Не мог же ошибиться? Пойдите. А вы не работали в бане на Ярославке? Во! — вскричал довольный незнакомец. — Точно! Точно — там! Меня рассчитали и я сдавал последнюю смену вам!

Иван Васильевич, убитый до конца, с трудом собрав последние силы, с хрипотой выдал из себя:

— Боже мой! Да я уже тридцать лет на одном месте...

Незнакомец вначале подозрительно посмотрел на Ивана Васильевича, потом сник, плечи опустились, он стал еще более сутулым, и даже показалось, что этот высокий мужчина сейчас расплывается в три ручья. Иван Васильевич, ругая себя за нетактичность, сочувственно спросил:

— Ну, что вам угодно?

— Странно. Странно, — бормотал мужчина. Но он тут же оживился и уже с просветленным лицом ласково попросил:

— Я вас попрошу... Вы извините... Не подумайте, что... Я свои дома оставил... Одну сигареточку...

Иван Васильевич сунул незнакомцу всю пачку и кинулся бежать вниз по аллее.

Какой уж тут душевный отдых...

// Ленинский шахтёр, 1974, 6 апреля, с. 4.